

Г. В. Штыхов

(Минск)

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

Статья посвящена итогам и перспективам археологического изучения территории Полоцкой земли. Рассматриваются социальное, этническое, политическое и хозяйственное развитие городов Полоцкой земли в X—XIII вв.

Ключевые слова: Полоцк, полоцкая земля, кривичи, археологические памятники, город, детище, посад.

Сообщения о славянах и древнейших городах на первых страницах «Повести временных лет» являются для нас уникальными и давно стали хрестоматийными, приобрели классическую ценность. В Начальной летописи Полоцк (Полотеск, Полтеск) впервые назван под 862 годом по поводу раздачи Рюриком городов своим мужам: «И прия власть Рюрик, и раздаю мужам своим грады, своему Полотеск, своему Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьсте кривичи...». Иными словами, основали Полоцк кривичи, а варяги в нем пришлые. Исследователи единодушны в том, что Полоцк получил свое название по реке Полога, близ устья которой он был основан (Штыхов 1975, с. 9). С наименованием данной реки связывает летопись также название «полочане», которые поселившись в Подвинье, образовали самостоятельное племенное «княжение».

Скандинавы хорошо знали Полоцк, что подтверждают древнерусские летописи и скандинавские саги. Из письменных источников следует, что около 980 г. (по А.А. Шахматову 970 г.) в Полоцке самостоятельно княжил Рогволод (Рогволд, Ронгвальд), который, согласно летописи, «пришел из-за моря». Какое он имел отношение к правнукам Рюрика, определить

невозможно. Об его этнической принадлежности приводятся разные суждения: был варягом (Л.В. Алексеев), происходил из западных славян (М.В. Довнар-Запольский), принадлежал к местной кривичской знати (А.Н. Насонов). Первое предположение наиболее вероятно. Но в Полоцкой земле норманны скоро ассимилировались с местным населением, не оставив заметного следа в археологическом материале, о чем я ранее уже писал (Штыхов 1982, с. 54). Сегодня данные о скандинавских древностях на территории Беларуси значительно уточнены и систематизированы в общем контексте славяно-скандинавских взаимоотношений раннего средневековья (Дернович 2006, с. 42).

На территории Северной Беларуси, где размещалась Полоцкая земля, в третьей четверти I тысячелетия н. э. располагались городища-убежища, известные в археологической науке как памятники типа «верхнего слоя Банцеровщины, Тушемли». Большинство исследователей считает их балтскими. Однако имеются определенные основания полагать, что памятники третьей четверти I тысячелетия н. э. (городища, селища, а также длинные курганы) появились на данной территории в период расселения славян в среде потомков балтского населения днепро-двинской культуры раннего железного века и в одних случаях могли принадлежать балтам, в других — славянам, в третьих — смешанному населению из тех и других. В северной части Беларуси существовали локальные варианты банцеровской и тушемлинской культур, вероятно, разноэтнических (балты, славяне, в меньшей мере финно-угры).

Третья четверть I тысячелетия н. э. — важный период в истории населения лесной по-

лосы Восточной Европы, когда наблюдается заметный рост хозяйства, происходит распад родового строя, проявляются признаки военной демократии. Имевшие место социальные изменения совпали со сложными этнокультурными процессами, нашедших отражение в перемещениях племен, исчезновении одних и формировании других археологических культур, симбиозе различных этнических групп населения (Шадыра 2006, с. 46, 48).

В процессе расселения славян при балтско-славянском симбиозе во второй половине I тысячелетия н. э. на территории Белорусского Подвинья происходило формирование западного ответвления кривичей — или полоцких кривичей. В этом сложном явлении было три фазы. Первая фаза третьей четверти I тысячелетия н. э., к которой относятся памятники типа Банцеровского городища и ранних длинных курганов. Вторая фаза — конец VIII — середина X в. — Характеризуется более интенсивным проникновением славян. В это время распространяются курганы с лепной керамикой, непосредственно предшествующей раннекруговой славянской керамике (культура смоленско-полоцких длинных курганов). Третья фаза — середина X — XI вв., когда сильно увеличивается количество славянского (древнерусского) населения, славяне становятся основным населением данного региона (Штыхаў 1992, с. 100).

Расселение славян на территории Северной Беларуси имело большое прогрессивное значение для исторической судьбы края. Оно способствовало ликвидации существовавших до этого институтов первобытного строя, ускоряло развитие нового экономического уклада, о чем будет сказано ниже.

Археологические материалы свидетельствуют, что в конце I тысячелетия н. э. на территории Северной Беларуси (в Подвинье и соседних районах Верхнего Поднепровья) дальнейшее развитие получили земледелие, а следовательно и различные отрасли скотоводства (Коробушкина 1979, с. 96, 102). Большие перемены происходили в развитии торговли и ремесла. Важное значение для дальней торговли приобрел путь «из варяг в греки». Усиление общественного разделения труда привело к отделению ремесла от сельского хозяйства и к возникновению городов.

В первой фазе формирования полоцких кривичей (третья четверть I тысячелетия н. э.) существовали городища-убежища, куда прятались население во время опасности, и где была организована его коллективная оборона во время нападения.

Во второй фазе формирования полоцких кривичей, которая была при повторной волне колонизации (последняя четверть I тысячелетия н. э.), в северной и центральной частях Беларуси возникают Полоцк, Витебск, Лукомль

и другие поселения. Эти пункты славянской колонизации стали непосредственными предшественниками городов. Города выросли на их основе в результате появления многоукладной экономики, параллельно чему шел интенсивный процесс ассимиляции местного балтского населения.

Полоцк в VIII—IX вв. представлял собой населенный пункт, имеющий городище и селище, выполняющий административные функции волости. На селище имели место торговля и ремесло. Полоцк служил главным племенным центром полоцких кривичей, где мог находиться старейшина, а потом обосновался князь с дружиной.

Наиболее древние города Полоцкой земли находились в Подвинье, размещались друг от друга на расстоянии около 100 км (Полоцк, Витебск, Лукомль, Браслав) (Штыхов 2004). Древнейшие центры полоцких кривичей сооружены на важных водных магистралях. Существенное значение для становления городов оказывала главная магистраль региона — Западная Двина.

Города, возникшие в районах Верхнего Поднепровья (верховья Свислочи, Березины, Друти), группируются в южной части Полоцкой земли. Они защищали пути, ведущие внутрь Полоцкого княжества и к его столице, составляли как бы пограничные линии обороны, частью которых были болотные и лесистые места.

Раннесредневековые «градь» IX—X вв. отличались от других типов поселений своими укреплениями, тем, что они были постоянно населены (в отличие от прежних городищ-убежищ банцеровской и тушемлинской культур), являлись административными центрами, резиденциями знати. При дальнейшем развитии укрепленные населенные пункты, обрастая торгово-ремесленными посадками, превращались в города в социально-экономическом понимании.

Ремесленники поселялись возле старых укрепленных пунктов (Полоцк, Витебск, Лукомль), вновь построенных замков (Заславль), пограничных сторожевых крепостей (Браслав), у больших водных магистралей (Орша, Копысь), волоков и переправ (Друцк, Усвят). Города становились носителями товарного производства, на первых порах незначительного.

В обществе восточных славян в IX—XI веках существовали три экономических уклада: родоплеменной (первобытный), который был на склоне, рабовладельческий (он не получил значительного развития) и феодальный, который только нарождался, но ему принадлежало будущее (Гісторыя Беларусі 2000, с. 232, 239). Выше упоминалось, что Рюрик в IX в. раздавал города своим «мужам» — дружинникам. Прошло еще несколько столетий, прежде чем княжеские мужи и их потомство стали крупны-

ми земледельцами и составили сословие бояр. У восточных славян динамика общественного развития была такая, что трудно выяснить, когда заканчивается военная демократия и начинается феодализм.

В Полоцкой земле выделяется в качестве крупнейшего центра «старший» город Полоцк. Все другие города являлись «младшими» городами, в какой-то мере подчиненными старшему городу. В период политической раздробленности росли центры удельных княжеств: Витебск, Минск, Друцк. Города развивались неравномерно. Одни из них были крупными по площади и количеству жителей, а, следовательно, по своему значению (Полоцк), другие средними (Минск, Друцк, Витебск), третьи малыми или агрогородами (Лукомль, Орша, Копысь). Полоцк всегда оставался наиболее важным городом региона.

Восточнославянский (древнерусский) город — населенный пункт, который формировался во время перехода от первобытнообщинного строя к многоукладному, с признаками имущественного неравенства обществу в процессе отделения ремесла от земледелия и появления государства. Это был постепенно усложняющийся при своем развитии социальный организм с присущими ему разнообразными функциями — торгово-ремесленными, аграрными, военно-оборонительными, административно-фискальными, культурными. Восточнославянская весь — поселение сельскохозяйственного типа. Города в отличие от сельских поселений обладали устойчивой тенденцией роста своей площади и количества жителей.

Условной первоначальной датой в истории древнего города Полоцкой земли принято считать наиболее раннее непосредственное или даже косвенное сообщение письменного источника, если существование населенного пункта подтверждено материалами археологических исследований. Такими датами для городов Полоцкой земли считаются: Полоцк — 862 год, Витебск — около 974, Заславль — около 985, Друцк — 1001, Усвяты — 1021, Копысь — 1060, Минск — 1067, Орша — 1067, Браслав по косвенным данным 1068, Лукомль — 1078, Логойск — 1078, Борисов — 1102. В период феодальной раздробленности (XII—XIII вв.) шел дальнейший рост городов.

Города Полоцкой земли XII — начала XIII в. невелики по площади (от 12—20 до 100 га) и количеству жителей (от нескольких сот до нескольких тысяч человек). В XII—XIII вв. площадь детинца крупных городов Полоцкой земли составляла: в Полоцке 9—10 га, Витебске — до 4, Минске — 3 га. Детинцы малых городов были небольшие — от 0,5 до 1 га (Орша, Копысь, Борисов). Самые малые размеры городища в Лукомле (0,25 га). Однако относительно большая площадь посада (13 га) и характер находок, обнаруженных при раскопках, позво-

ляют причислить этот населенный пункт к числу малых городов, в хозяйстве которого преобладали аграрные явления.

В связи с ростом и развитием городов могло происходить их смещение, изменение местоположения центральной и иных частей города, что отражало важные этапы их формирования (так называемый «перенос» города). В Полоцке переместился детинец. Борисов вообще сместился на несколько километров от своего первоначального местоположения. Подобное явление, вероятно, было в Усвятах. Для понимания таких фактов особое значение имеет вопрос о взаимосвязи между прекращением существования большого по площади населенного пункта в верховье Птичи на Менке, во второй половине XI в., и возникновением примерно в это время в 16 км отсюда при впадении Немиги в Свислочь мощных деревоземляных укреплений обширного детинца Минска—Минска.

Материалы археологических раскопок и сообщения письменных источников позволяют представить довольно пеструю картину жизни древних городов X—XIII вв. на территории Беларуси. В городах Полоцкой земли, как во многих городах других земель, получили распространение ремесла — кузнечное, ювелирное, кожевенно-сапожное, деревообрабатывающее, косторезное, гончарное и др. Ведущей отраслью ремесла было производство потребительских товаров (кожаной обуви, украшений и пр.), что присуще средневековым городам как Западной, так и Восточной Европы.

Импортные предметы, обнаруженные при раскопках, позволяют осветить некоторые вопросы иноземной торговли. Южные амфоры найдены в Полоцке, Минске, Витебске, в меньшем количестве в Лукомле, Орше, Борисове, Заславле, Логойске. Амфоры поступали сюда в XI в., но, в более значительном количестве, в XII — начале XIII в. Украшения из сердолика и горного хрусталя — продукт восточной торговли — поступали из Средней Азии. В Полоцке, Минске встречаются гребни, изготовленные из самшита, который произрастал в лесах северных склонов Кавказа и на его Черноморском побережье, откуда ввозился на Русь волжским путем. Торговля с Византией осуществлялась, главным образом, днепровским путем.

На примере крупных городов (Полоцк, Минск, Витебск), не говоря уже о малых, можно видеть связь населения города с сельским хозяйством, что объясняется отсутствием значительного товарообмена между городом и деревней. Многие материалы о сельскохозяйственных занятиях горожан получены с территории укрепленных центров городов. Тем не менее, не сельское хозяйство определяло экономическую жизнь крупных городов, а торговля и

ремесло. Эти города не могли существовать без постоянной связи с округой.

Восточнославянские города имеют по сравнению с городами Западной Европы как общие, так и отличительные черты. Во всех случаях отделение города от деревни было сложным и длительным процессом. В Германии оно происходило в IX—XII вв. Примерно тогда складывались и развивались города на территории Беларуси. Мы не располагаем данными о том, что в городах Полоцкой земли, включая Полоцк, в период раздробленности оформились цехи ремесленников в том значении, какое они имели в западноевропейском городе еще до XIV в. Видимо, в восточнославянских городах существовали свои формы организации бесцехового ремесла в рамках городской общины.

Вместе с возникновением восточнославянских городов появилась необходимость политического устройства в них в виде городской общины. Ранняя городская община во многом повторяла свой сельский прототип. В малых городах, по-видимому, все ремесленники и купцы составляли одну общину, совпадающую с городской общиной, а регламентация производства осуществлялась только в самых общих чертах. Таким образом, мелкие городские и сельские общины в значительной мере можно считать родственными организациями. В крупных городах эта родственность проявлялась не столь полно. Существовали важные различия в характере производства и структуре этих двух типов общин.

Восточнославянская территориальная община была первым строем управления нарождавшихся древнейших городов. В Киевской Руси в период законодательной деятельности князей в X в. не были полностью разрушены основные устои общинного права. В быте и праве были сильны черты военной демократии. Общинное право еще далеко не полностью утратило свою силу (Зимин 1965, с. 234).

С утверждением в городах князей положение изменялось. Князь подчинял своей власти управление города, предводительствовал войском, вершил суд и расправу. В крупных городах XII в. вече ограничивало княжескую власть, о чем можно судить на примере Полоцка. Однако даже самоуправление городской общины не получило дальнейшего значительного развития.

Некоторые из древнейших городов, процветавших в XII—XIII вв., позже не попали в сферу экономического развития, они постепенно приходили в упадок (Лукомль, Заславль, Друцк). Процесс выдвигания одних городов и отмирания других был закономерным результатом новых условий экономического развития земель на территории Беларуси в последующие столетия.

Важнейшим результатом произведенных археологических раскопок на территории По-

лоцкой земли является исследование 14 древних городов, которые известны по письменным источникам, определение характера городского культурного слоя, изучение укреплений и планировки городов (где это было возможно), повсеместное обнаружение огромного вещевого материала, дающего представление о занятиях горожан, ремесле, торговле, быте, производствах мелкой пластики.

Исследователи по-разному подходят к рассмотрению социальной топографии восточнославянского города. М.Н. Тихомиров считал, что в городах складывалась «яркая противоположность между аристократической «горой» и демократическим «подолом», где располагались дворы «ремесленников» и в качестве типичного примера приводил Киев (Тихомиров 1956, с. 243).

Основание для другого вывода дают итоги исследования Новгорода, где не было районов городской знати. Бояре и купцы жили не только на территории детинца, но и в различных частях города. Факты говорят о равномерном заселении Новгорода представителями всех общественных слоев. Классово-территориальное деление в Новгороде отсутствовало (Янин 1962, с. 6, 7). Материалы раскопок городов Полоцкой земли в какой-то мере подтверждают данный вывод. В детинцах Полоцка, Минска, Друцка выявлены участки, густо заселенные ремесленниками. Однако основным местом проживания простых горожан был, конечно, посад, хотя бы потому, что он был значительно большим по площади, чем детинец.

В городах при однородности культуры некоторые местные особенности прослеживаются в керамике, монументальной архитектуре, прикладном искусстве. Наблюдается влияние культуры балтов в археологическом материале, особенно раннего периода становления городов (Браслав, поселение на Менке).

В Полоцке и других городах Полоцкой земли существовали тенденции, обращенные к Киеву как средоточию экономической, культурной и религиозной жизни всей Киевской Руси. Письменные источники и археологические данные убедительно говорят о постоянных связях городов Полоцкой земли с Киевом и Новгородом, несмотря на феодальные княжеские усобицы. Эти контакты распространились на многие сферы материальной и духовной культуры.

Из Киева в другие города экспортировалась готовая продукция ремесленников (предметы религиозного культа, украшения и т. д.), а также технология производства, сами ремесла. Полоцкие мастера восприняли многие технические приемы строительства монументальных зданий, технологию изготовления художественных изделий, их орнаментацию, применявшиеся в Киеве. Вместе с тем города западных земель Руси не только усваивали достижения

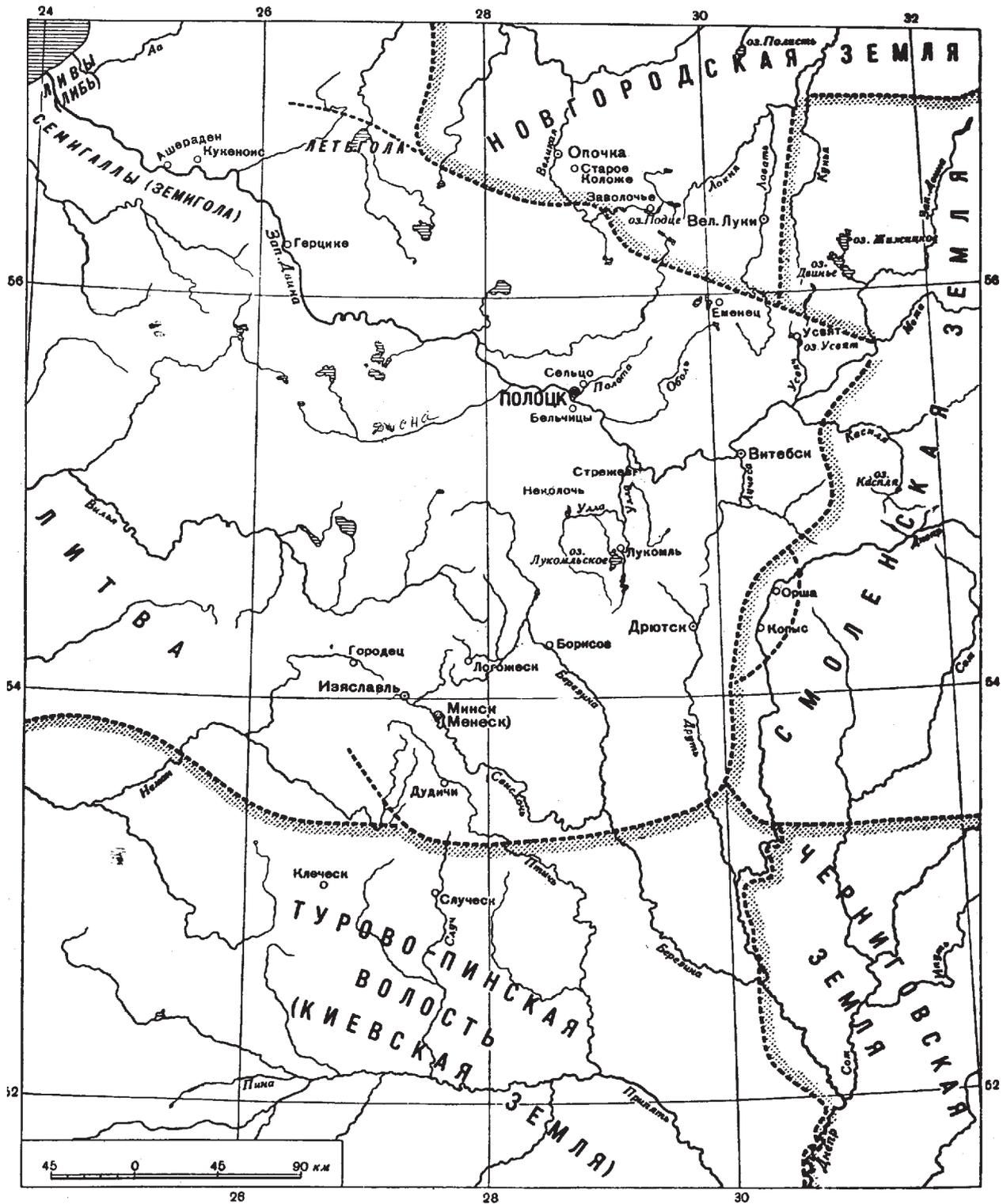

Рис. 1. Полоцкая земля по А.Н. Насонову (Насонов 1951)

Киева, но и воздействовали на развитие его материальной и духовной культуры. Памятники архитектуры, монументальной живописи, прикладного искусства — бесспорное доказательство благотворных широких культурных связей между Киевом и западными землями Руси.

Российский историк А.Н. Насонов в капитальном исследовании, посвященном образова-

нию территории Древнерусского государства, среди других княжеств обрисовал предположительно пределы земель-княжеств на территории Киевской Руси (рис. 1). У истоков рек Великой и Ловать северная часть Полоцкой земли соприкасалась с владениями Новгородской земли. В восточной части Полотчина граничила со Смоленской землей, а в южной части с «Турово-Пинской волостью». В запад-

ном направлении граница Полоцкой земли на карте А.Н. Насонова не обозначена (Насонов 1951). Данный вопрос требует дальнейших исследований.

Полоцкие кривичи по нижнему течению Западной Двины (Даугавы) рано проникли в земли латышей. Кривичами-полочанами была колонизована озерная часть между Западной Двиной и ее левым притоком Дисной, где был построен Браслав и другие укрепленные пункты (Дучыц 1991). В нижнем течении Даугавы существовали укрепленные пункты Кукунойс и Герцике, которые в XII — начале XIII вв. находились в вассальной зависимости от Полоцка (Штыхов 1978, с. 159).

В южной части Полоцкой земли на запад от города Изяславля на высокой горе возник Лоск (Воложинский район, Минской области) (Бохан 1993, с. 121). Вероятно, это один из крайних пунктов на рубежах Полотчины с балтскими поселениями.

В западных областях Беларуси долго находились особые летто-литовские группы населения. Исследователи определяют для IX—XI вв. балто-славянскую границу по линии Гродно — Лида — Вилейка — Мядель — Браслав. В XII—XIII вв. граница отодвинулась еще больше на запад к территории современной Литвы и Латвии (Нарысы гісторыі Беларусі 1994, с. 73, 74). Не случайно в составе аукштайтов выделяется локальная группа дзуков, в лексике, материальной культуре и в быту которых много общего с белорусами. Одновременно среди славянского населения продолжали существовать группы балтов, что обусловило сохранение балтских племенных названий, распространенных в Беларуси — «дайнова», «прусь», «ятвяги» и др. (Жучкевич 1974).

Во второй половине XIII — начале XIV века население территории Беларуси, в том числе всей Полоцкой земли, особенно представители феодального слоя, приняли участие в создании Великого княжества Литовского, в составе которого в последующие столетия продолжалось формирование белорусского этноса. Полоцк входил в число 15 крупнейших городов этого балто-славянского государства.

Бохан Ю. Раскопки Лоскага замчышча ў Валожынскім раёне // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. — 1993. — № 1. Гісторыя Беларусі: у 6-ці тамах. — Мінск, 2000. — Т. 1.

Дернович С.Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. — Минск, 2006.

Дучыц Л.У. Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV ст. // Гісторыка-археалагічны нарыс. — Мінск, 1991.

Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. — Минск, 1974.

Зимин А.А. Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. — № 76. — 1965.

Коробушкина Т.Н. Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. — Минск, 1979.

Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. — Мінск, 1994. — Ч. 1.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. — М., 1951.

Тихомиров М.Н. Древнерусские города. — М., 1956.

Шадыра В.І. Беларускае Паддзвінне (I тысячагоддзе н. э.). — Мінск, 2006.

Штыхаў Г.В. Крывічы па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. — Мінск, 1992.

Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). — Минск, 1978.

Штыхов Г.В. Древнейшие города Полоцкой земли и их предшественники по летописям и раскопкам // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Збірка наукових праць. — К., 2004.

Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX—XIII вв. — Минск, 1975.

Штыхов Г.В. Киев и города Полоцкой земли // Киев и западные земли Руси в IX—XIII вв. — Минск, 1982.

Янин В.Л. Новгородские посадники. — М., 1962.

Г. В. Ш т и х о в

РЕЗУЛЬТАТИ І ПЕРСПЕКТИВИ ВИВЧЕННЯ ПОЛОЦКОЇ ЗЕМЛІ

Стаття присвячена підсумкам і перспективам археологічного вивчення території Полоцкої землі. Розглядаються соціальний, етнічний, політичний і господарський розвиток міст Полоцкої землі в X—XIII ст.

G. V. S h t y k h o v

RESULTS AND OUTLOOKS OF STUDYING THE POLOTSK PRINCEDOM

The paper sums up results and outlooks of archaeological investigations on a territory of the Polotsk Principedom. Special emphasis gives to the social, ethnic, political, and economic development in urban sites of principedom in 10th—13th cent.